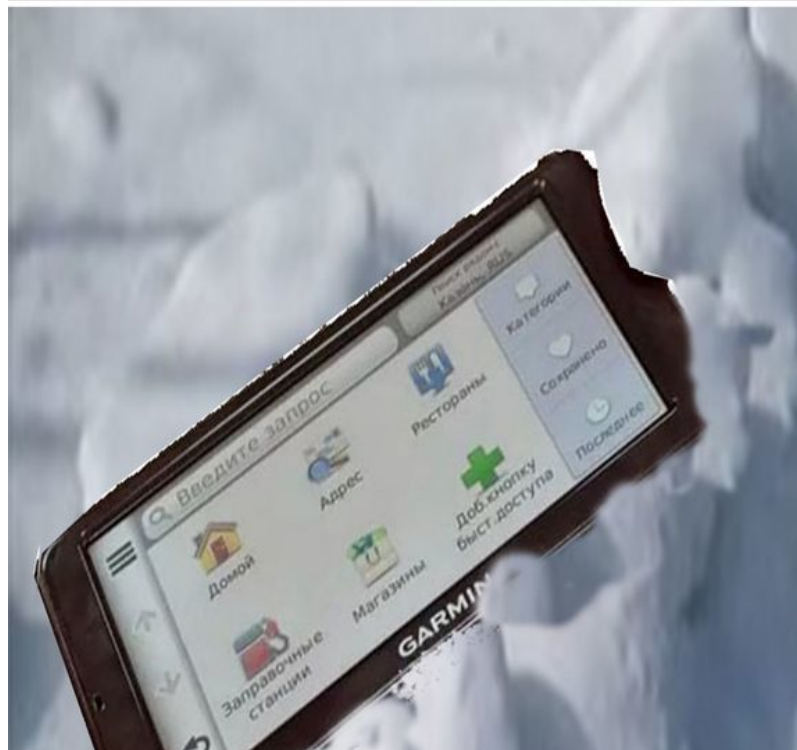

АЛИНА НИКОЛЕВСКАЯ

Навигатор

Алина Николевская

Навигатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23100856

ISBN 9785448381096

Аннотация

Рассказ о любви в условиях экономического кризиса с одной стороны и научно-технического прогресса – с другой. Тяжело ей, бедной, приходится.

Навигатор

Алина Николевская

© Алина Николевская, 2017

ISBN 978-5-4483-8109-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
У Стеллы пропал муж.

Пополнив, таким образом, полумиллионную армию мужчин, что пропадают в России ежесуточно согласно заявлениям близких родственников. Цифра поистине ужасающая, предполагающая немедленный выход на улицы всех имеющих в стране полицейских с ружьями наперевес. Если же они не выходят, то, значит, либо равнодушные тупые ослы, либо знают, – всё не так страшно. И действительно, с концами пропадают не пятьсот тысяч ежедневно, а от силы пять-шесть человек. Остальные, отключив мобильную связь, пускаются в загул, с тем, чтобы благополучно возвратиться к родному порогу спустя несколько часов. Или дней. Или недель. Бывает месяцев. А иногда и лет.

Речь примерно такого содержания произнёс в отделении полиции дежурный лейтенант, к которому Стелла обратилась за помощью. Добавил:

– Письменное заявление от вас примем, если в течение трёх суток не объявится. Не раньше. Согласно закону. А сейчас идите домой и постарайтесь успокоиться. Успеете еще нарыдаться, если что.

Стелла послушалась лишь отчасти – домой пошла, а плакать не перестала. Так, плача, вошла в квартиру, сняла в прихожей шубку и, не зажигая света, села у окна в гостиной.

Вообще-то, имя Стелла не было её настоящим именем. Это был псевдоним, который она взяла, когда в связи с открытием собственного маленького швейного ателье, озабочилась созданием персонального имиджа. Все знаменитые художники-модельеры этим озабочены. Причём, не столько созданием образа, сколько его сохранением. Соня Рикбель, к примеру, неизменно красила волосы исключительно в рыжий цвет, Марк Боан был всегда при галстукe, Карл Лагерфельд никогда не снимет на людях перчаток, даже если они ему осточертели. А ещё один кутюрье, уже из отечественных, будучи любителем женщин, постоянно афиширует свои связи с «гей-комьюнити», раз уж за ним закрепилась такая слава.

Она не была готова к подобным жертвам. Поэтому ограничилась лишь псевдонимом – Стелла (почти Маккартни!) – который к тому же нравился всем – ей самой, мужу, её клиенткам – мечтающим об успехе юным женщинам – актрисам, певицам, танцовщицам и смешным светским, якобы, хроникёршам, которые в большинстве своём были совсем не те-

ми, кем хотели казаться. Надо ли говорить, что в мастерской Стеллы не просто шили «тряпки», там, используя вечный лексикон женственности, цветовые послания и тайные коды ручной работы, культивировали философию построения собственной индивидуальности. А там и до психологического ощущения себя в роли примы, к которой приковано внимание зрителей, недалеко. Что и требуется девушке, для которой слово «кастинг» не пустой звук.

Боже, как же быстро это наполненное креативом слово, означающее – «конкурс, распределение ролей», сменилось другим – скрежещущим и пустым, как ржавая консервная банка словом – «кризис»! И листва опадает на веки, отмирают деревья, исчезают яркие, – в шелках, кружевах, бархате, – стрекозы и бабочки, что кружили, порхали, танцевали... и приносили Стелле немалые денежки. Да ладно бы только ей! А что делать с теми, кто в неё когда-то поверил и сейчас от неё полностью зависит? Как уволить, выбросить на улицу, лишит средств к существованию работавших вместе с ней бок о бок годами швей, конструкторов, вышивальщиц? Десять человек! А есть ещё одиннадцатая – тётя Маруся из города Калязина – хозяйка замечательной козы Даши, которая даёт не только молоко, но ещё шерсть и пух. Тётя Маруся при помощи старинного веретена превращала пух в тончайшую нить, перевивала с блестящей нитью шёлковой и из невесомой драгоценной пряжи спицами вывязывала по изготовленным Стеллой лекалам узорные, словно со-

тканные из снежинок, туники, кофточки, бюстье. Их естественным образом хотелось слегка оградить от мира, укутав в прозрачный шифон, – холодновато-голубоватый, в изящных драпировках, и подружить с украшениями из жемчуга, горного хрусталя, бриллиантов. Ну и кто после этого устоит? Кто, скажите, такого не захочет?

Никто. Никто сейчас ничего не захочет. Ни такого, ни не такого. Даже смотреть не будут. Потому что кризис.

Стелла утёрла слёзы, поднялась со стула и побрела вверх по лестнице в спальню, – медленно, очень медленно, – забывая руку на перилах, с трудом передвигая ноги. Она затворила за собой дверь и осталась один на один со страшной ночью, а вернее под равнодушным взглядом раннего сумрачного февральского утра, которое для других приберегло аромат дымящегося кофе, горячих кукурузных тостов, клубничного джема. Да, для других, для других. Она это знала точно, застыв перед огромным, во всю стену зеркалом, рассматривая себя, – своё лицо, своё тело, очевидно, никуда не годное, раз дежурный лейтенант в отделении полиции предположил, что от неё загулял муж. Она распустила волосы, положила заколку на туалетный столик, и вдруг ей перехватило горло, словно ледяные когти сжали. Нет, она ещё не старая. Она только вступила в свой двадцать девятый год. В неё ещё влюбляются мужчины. Даже есть один постоянный поклонник, – повёрнутый на компьютерах чудак по имени Шон. Так он представляется и только так просит себя называть. Хо-

тя Ш. О. Н. – это его инициалы, по паспорту он – Широков Олег Николаевич.

Шон был другом детства её мужа Дмитрия – Димы, Димыча, Димкуса. Стелла произнесла по слогам – Дим-кус, и из глаз снова полились слёзы. Зато исчезли горловые спазмы, и стало легче дышать. «Лучше плакать, чем сдерживать слёзы и задыхаться», – подумала она, ложась навзничь на шёлковое покрывало, – тугое и чистое, тянувшееся розовой несмятой полосой от края к краю кровати. Закинула руки за голову, смежила веки, не надеясь заснуть, просто из-за усталости и оттого, что опухли от слёз глаза.

Если Шон был компьютерным гением, то Димкус – гением финансовым. Ну, если не гением, то специалистом в области финансов высококласным. Так, по крайней мере, считала Стелла, для которой всё «финансовое» было полнейшей головоломкой. Она знала, что никогда не поймёт, как работает Фондовая биржа, почему повышаются или понижаются учётные ставки, почему и для чего происходит торговля всеми этими «коммодитис», что такое «дефицит платёжного баланса» и «кеш флоу». Зато её муж не только вёл бухгалтерские дела её маленькой фирмы, но ещё зарабатывал хорошие деньги, давая советы другим людям относительно всех этих «балансов», «кредитов», «дебитов», «депозитов», растолковывая соотношение между займами в банках и учётными ставками, помогая находить получше tax shelter, то есть увиливать от налогов. Он как-то сказал ей, что, современный

человек помимо материального тела имеет как бы ещё одно тело – «финансовое», контуры которого внутри финансовой реальности – это сбережения и траты. Тратя и вкладывая, оплачивая счета и беря кредит, человек составляет о себе мнение.

Боже, боже, боже мой! Стелла с силой сжала ладонями виски. Ну и какое у них о себе мнение сейчас, когда разразился кризис?! Когда финансовая реальность из дворца с устремлёнными ввысь шпилями превратилась в комнату кривых зеркал, заполненную карликами, жалкими, растерянными горбатыми уродцами, финансовые тела которых усыхают с каждой минутой, а многие уже превратились в прах?!

Ей становилось страшно, когда рисовала в своём воображении нынешнее финансовое тело своего некогда успешного, уверенного в себе мужа – маленькое, сморщенное, вместо мышц – труха, а крови – только капелька осталась. Но самым страшным (и необъяснимым!) было то, что, когда он потерял работу, Система, которой он так верно служил, в правилах и законах которой так прекрасно разбирался, устроила на него безжалостную тотальную охоту. Да, он набрал много кредитов. Да, их квартира (стильный двухуровневый пентхаус на Юго-Западе Москвы) и две машины приобретены на заёмные деньги. Своих денег, чтобы погашать проценты по кредитам, сейчас нет. Система обвинила Димкуса в легкомыслии (а какое легкомыслие, если все, абсолютно

все были убеждены, что в обозримом будущем шпили дворца будут только вздыматься вслед за ценами на углеводороды!) и принялась выбивать долги, угрожая чуть ли физической расправой. А как иначе можно расценить нескончаемый поток писем – электронных и обычных, имевших одинаковую смысловую концовку: «Все предыдущие попытки отдельных индивидуумов уйти от ответственности кончались плачевно!». А звонки по телефону с угрозами всё отобрать, искалечить, а потом посадить в тюрьму! Стелла физически ощущала, и письма это подтверждали, как банки-кредиторы обкладывают их со всех сторон, блокируют, лишают возможности манёвра, следят за ними днём и ночью, делясь при помощи мощной компьютерной сети своим мнением о них с другими банками и кредитными конторами, с общественными и частными фондами и ещё какими-то организациями, обладающими правом лишить человека заграничной визы.

Она не заметила, как уснула. А проснулась от телефонного звонка. Думая, что звонит Димкус, почти закричала в трубку:

– Алло!

В ответ услышала спокойный голос Шона:

– Привет. Завтра улетаю в Атланту. Хотел зайти попрощаться. Ты не занята?

– Нет. – Она вздохнула. – Не занята.

Чуткий Шон насторожился.

– Что-то случилось?

– Нет. Ничего. Всё в порядке. Заходи.

Подумала: «Зачем пригласила?». Но исправлять положение было поздно, – Шон уже нажал кнопку отбоя.

Душ – то холодный, то горячий. Пятьдесят взмахов щёткой по волосам. Чуть подвела глаза, подкрасила губы и надела дивную облегающую зелёную (в цвет глаз) прелесть с отделкой из лебяжьего пуха. Вот теперь она – это снова она, всегда старающаяся быть при посторонних одинаковой. Чтобы, не дай бог, кто догадался о слабостях, ревности, суетности, мелких обидах, да и не мелких тоже... Шон был посторонним. К тому же улетал в Атланту. Вот и ни к чему ему знать о её проблемах. Кстати, в Атланту он улетал, потому что был «челноком». Не «челноком» -торговцем, а «челноком» -учёным, работавшим то в России в Академии наук, то в Америке в университете Эмори, когда там открывали новый проект и приглашали к сотрудничеству.

«Злого зноя не страшись, не страшись, и зимы свирепой бурь не страшись...» – повторяла, спускаясь с лестницы, Стелла, принявшая тот лучезарный, сверкающий образ, в каком она входила в салон своего ателье. Но он рассыпался, этот образ, от него просто ничего не осталось, потому что Шон принёс цветы, много цветов, и именно те, что она любила – японские ирисы и орхидеи. И ни слова не говоря, принял позу зрителя, – давай, мол, проделай то, что ты любишь проделывать с цветами, – срезать цветочные головки и пускать их плавать в больших, плоских стеклянных чашах, на-

полненных чуть подсахаренной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.